

Улита Зубаревой

ИЗ ДОМА — НА КОРАБЛЬ

Жизнь одарила меня дружбой с тремя красивыми, умными и редко-то деликатными женщинами. С царицей Тamarой, как я ее называл, нас свел Крым на целых три месяца: с чеховских времен известно, что лечат на южном берегу солнечного полуострова. Впрочем, дочь классика грузинской литературы Константины Гамсахурдия и сестру первого президента этой кавказской страны Звиада Гамсахурдия власти в начале 70-х годов специально отправили в легочный санаторий. Ее через пару лет не стало. И только в этом, 2004 году, побывав в рамках проекта «Шелковый путь поэзии» в Потти и Батуми, я впервые рассказал грузинским коллегам и о переплетении с царственной Тamarой через ее дальних родственников, и о наших многочасовых беседах наедине. Уже можно и написать подробно, как стало возможным появление в Украине, после почти пятилетних «перекантовок» в издательствах переводов стихов Звиада...

Светлана живет в Киеве, оставаясь одним из самых профессиональных и образованных издателей в Украине.

Вера Зубарева 15-й год живет вместе с семьей в Америке, в городе Филадельфия. А познакомились мы лет за пять до ее отъезда в эмиграцию. Я работал литконсультантом в Одесском отделении Союза писателей Украины и, честно говоря, не мог понять, что привело Веру в неприметный особнячок на улице Белинского. Филологический и поэтический дар молодой женщины был столь же очевидным, как и ее красота. И Вера скорее ждала не столько профессиональных оценок своих стихов, как хотела узнать, что же творится в литературном «засеркалье», каких жертв требует служение слову, не перерабатывают ли одесситы, встречая каждого входящего в особняк пафосными словами на деревянном рельефе «Письменник — той же Прометей».... Перед этим, хлопнув дверью в книжном издательстве, собрался повторить мизансцену уже в качестве литконсультанта — два года пребывания в этой должности и сейчас считаю вычеркнутыми из биографии. Но правомерно ли было при первой же встрече говорить

правду и только правду? Пришлось прибегнуть к дипломатии. «Вы хотите издать первую книгу?» — спросил я Зубареву, допуская, что ей известно о моем издательском прошлом. «А зачем спешить?», — начала рассуждать гостья. «А чтобы через год-два, как водится у нас, издать второй сборник и после него поступать в Союз писателей», — перебил-подсказал я Вере. И услышал в ответ то, чего в этих стенах от начинающих ни разу не слышал: «В Союз? А зачем?»

Я предложил перенести разговор на другой раз, к тому же и вне стен писательского офиса. Вскоре я во второй раз в жизни стал безработным, и мы стали обходить приснопамятный адрес десятой дорогой. Мне не пришлось усердствовать в обрисовке Союза литераторов, в сравнении всех редакций его устава — от первого, насквозь пропитанного сталинщиной, и до наимоследнейших. Подумать только: целая брошюра — каждая редакция устава, а медиком достаточно лапидарной клятвы Гиппократова, а человечество уложилось в журнальную страничку, провозгласив с трибуны ООН «Всемирную декларацию прав человека». Перефразируя Черномырдина, можно сказать о разборках нынешних вокруг писательских уставов и положений: «Какой устав ни сочиняй, а в итоге получается устав КПСС».

Святость творчества Зубарева смолоду осознавала как свободу и ответственность, а не соотносимость с параграфами, политической целесообразностью. И только в 2002 году, засев за эссе «Дом-корабль: поэзия сквозь призму жизни», сформулирует сверхзадачу, которую истою воплощала почти полтора десятилетия в книгах и исследованиях: «Бог ли, человек ли, камень ли, птица ли — всё, хотя и в разной степени, влетает свой узор в канву вечности». Также последовательна и непреклонна Вера в посвящениях: свою первую большую книгу «Аура», вышедшую в Филадельфии, она снабдит на послетитульной страничке строкой «Моей тете Жене», «Менузты с тенью» — посвятит мужу, «Жизнь звезд» — матери. И напишет после ухода за пределы жизни отца несколько эссе о нем, создаст часовую фильм.

Из дома на корабль вечности? Или писательская судьба Веры Зубаревой — это дом-корабль, в котором каждый из «команды» ежедневно, наяву и в памяти сердца подмога, оплот веры и подвига души.

баревой — это дом-корабль, в котором каждый из «команды» ежедневно, наяву и в памяти сердца подмога, оплот веры и подвига души.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГОСТИНАЯ ДЛЯ ЕВТУШЕНКО

Выходящая в Киеве газета «День» на закончившейся ярмарке «Зеленая волна» представляла свою книжную библиотеку «Украина Incognita». Это название позволило себе привести как перифраз многих явлений и следствий, имевших место прежде всего в советское время. Например, выпускница русского отделения филфака Одесского университета имени Мечникова была очень приблизительно знакома с поэзией украинских «шестидесятников». Я же, писавший, к слову, дипломную работу по их первым книгам (вкладыш к диплому с указанием темы и фамилий ее пяти начинателей берегу тщательно), собирав практически все, изданное этим поколением в СССР, включая переводы. С моей подачи Вера знакомится с этим культурным слоем, как до этого — со щедрой руки Степана Ильева, нашего университетского преподавателя — с матерком русского символизма.

Лина Костенко, Микола Винграновский, Дмитро Павлычко, Борис Нечерда... Несколько запоздалое от-

крытие, но так играли «в стаканчики» даже в университетях той поры. Неожиданно для меня Зубарева начала «запоем» переводить любовную лирику Дмитра Павлычко.

Этот период был пиком творческих «сессий» с Верой. Она очень быстро и достойно преодолела «час ученичества» («определение Марины Цветаевой») на переводческой страде. Не владея украинским языком достаточно свободно, но имея тонкий филологический слух и интуицию, она создала лучшие из тех, что знаю, русские версии стихов Павлычко. Подстрочно-смысловую канву при необходимости я «рисовал» ей по телефону. И не раз из трубки лился в мои уши завершённый перевод. Конечно, эти разговоры-презентации разветвлялись, обростали комментариями, переходили в споры о версификационных приемах, допусках и находках. Помню, однажды просидел у телефона почти пять часов — Вера жила на улице Марсельской, почти на другом конце Одессы. Горжусь, что подборка этих переводов (не самая полная) была опубликована с моим напутствием в газете «Знамя коммунизма» (читайте в теперешнем «паспорте» — «Юг»). Зубарева несколько раз увлеченно рассказывала о вечерах-чтениях этих переложений в кругу своих друзей и близких. Актриса Елена Куклова, поэт Базилев подтверждает мне любому...

«Украина Incognita»... Когда Вера уже освоилась в США, издала свою первую и солидную книгу стихов «Аура», она как-то подалась с Евгением Евтушенко. Тот при знакомстве расточал комплименты беспорочно очаровательной поэтессе из Одессы, но, принимая подаренную «Ауру», вдруг произнес скептический слух о пополнении русского литературного зарубежья. Надо припомнить, что и Наум Коржавин немного раньше в интервью «Литературной газете» (22 марта 1989 г.), также зафиксировал свои наблюдения по тому же поводу: литературу русского зарубежья того времени «атаковали» питомцы «советских литературных кружков».

Евтушенко, часто подвизавшийся на западных литературных подмостках смолоду, не проследил, что в журнале «Смена» Белла Ахмадулина, благословляя подборку стихотворений тогда еще одесситки Веры Зубаревой (1988 год), пророчествовала ей блестящее литературное будущее. И пришлось ему, по прочтении «Ауры», находить такую джентльменскую форму «дискредитации» своего прогноза: он позвонил в ре-

дакцию «Нового русского слова» и попросил сотрудников передать Зубареву, что он еще раз убедился в неисчерпаемости литературного потенциала Одессы.

Безусловно, что Вера, как и Аркадий Львов, Инна Богачинская в Америке, Ирина Ратушинская в Англии, Юрий Михайлик в Австралии, вписали лучшие страницы в хрестоматии литературного зарубежья. Зубарева «пришла ко двору» и как поэт, и как филолог. Она успешно защитила в Пенсильванском университете (Филадельфия) докторскую диссертацию по творчеству А.П. Чехова, уже более десяти лет преподает в том же вузе. В 1996 году издала свой перевод «Слова о полку Игореве»: в книгу вошла ее статья «Герои и антигерои «Слова о полку Игореве», а также англоязычные переводы этих работ А. Рязановского и Ф. Паттона. Студенты американских университетов, русисты получили тогда содержательное учебное пособие.

ЕВРОПЕЙСКИЙ КОНТЕКСТ «ТРАКТАТА ОБ АНГЕЛАХ»

У Веры Зубаревой вышло 11 книг — поэзии, прозы, исследовательских. Она редактор литературного журнала «Гостиная». (К слову — тематико-философский журнал). Во второй ее книге стихов «Ледяная игла» (Нью-Йорк, 1993) было опубликовано самое крупное произведение поэтессы — «Трактат об ангелах». Эта поэма в 1995 году увидела свет в Украине — в параллельном переводе на английский язык Франсес Лэйрд и в русинском Эрнста Неизвестного. В день открытия Одесской международной книжной ярмарки «Зеленая волна» состоялась презентация нового издания «Трактата». В этот раз автор представила также билингву — немецкоязычную версию поэмы осуществленная литератор из Вены Кирстин Брайтенфеллер. А книга появилась в серии швейцарского издательства «РАИО» в ряду двуязычных изданий произведений И. Анненского, А. Фета, З. Гиппиус и других поэтов европейского масштаба. Иллюстрации Э. Неизвестного также сохранены. Мне выпала честь вручать дипломы «Зеленой волны» Вере Зубаревой и Кирстин Брайтенфеллер за победу в номинации «ТОП-книга».

Анатолий ГЛУЦАК.

P.S. Зубарева имеет псевдоним «Улита» — «Улита». На языке символов — это всегда полярные явления и понятия. А в геральдике — неуступчивость, выносливость, наблюдательность.